

Е. Г. ЛАПШИНА

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИРОДЫ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДОВ: ОТ ИНЕРТНОЙ ПУСТОТЫ К ДИНАМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПОЛЕЙ

DETERMINING THE NATURE OF CITY ARCHITECTURAL SPACE:
FROM INERT VOID (EMPTINESS) TO DYNAMIC FIELDS SYSTEM

Определение архитектурного пространства разрабатывалось рядом исследователей на протяжении последних ста лет. Представлена авторская концепция архитектурного пространства, опирающаяся на динамику как его сущность. В приложении к городу в целом или отдельному зданию архитектурное пространство рассматривается как система силовых полей. Привлекаются результаты исследования пространства и поля в теории архитектуры, а также в психологии и в социальных науках.

Ключевые слова: пространство, динамика, город, архитектура, поле

Architectural space and its definition has been developed by some researchers. This process was over the past hundred years. The author's concept of architectural space is presented, it based on dynamics as its essence. When applied to a city as a whole or a separate building, architectural space is considered as a system of force fields. The results of the study of space and field in the theory of architecture, as well as in psychology and social sciences are involved.

Keywords: space, dynamics, city, architecture, field

Введение. В теории архитектуры рассматривается определение архитектурного пространства и процесс нарастания его динамики на протяжении XX – начала XXI вв. В эпоху античности, в рамках классической архитектуры, являющейся материальной культурой человечества на этапе развития традиционного общества, его цивилизация развивалась на базе повторяющегося воспроизводства действия для поддержания порядка – космического (мировоззренческого), социального, эстетического и пр. [1]. На рубеже XIX–XX вв. итальянскими футуристами было выработано новое мироощущение и новая эстетика, поставившая во главу угла красоту нарастающей скорости и агрессивность движения [2]. Известные архитекторы в Италии в начале XX в. обратились к рассмотрению пространства. Бруно Дзеви представил пространство как сущность архитектуры [3]. Зигфрид Гидион в 40-х гг. XX в. предложил концепцию пространства – времени, выходя в архитектуру четырех измерений [4]. Паоло Портогези связывал понятие пространства с концентрацией энергии [5, 6], он представлял, вслед за Эйнштейном, высокую концентрацию энергии как материю, если же концентрация энергии становилась меньше, описывалась такая сущность, как поле. Полевую природу пространства в архитектуре рассматривал во второй половине XX в. Кристиан Норберг-Шульц [7]. К подобным выводам на рубеже

XX–XXI вв. пришел Аллен Стэн [8, 9]. Он предложил архитекторам перейти от рассмотрения объекта, на который направлена их профессиональная деятельность, к рассмотрению поля.

Цель работы. Показать динамику как сущность архитектурного пространства, в приложении к городу опираясь на теорию полей, в том числе – в социальных науках [10, 11].

Теоретическая часть. Автором сделана попытка опереться в своей аналитической работе на исследования пространства как в теории архитектуры XX–XXI вв., так и в смежных с архитектурой и градостроительством областях.

Вначале отметим, что архитектор Зигфрид Гидион в 1941 г. опубликовал труд «Raum, Zeit, Architektur: Die Entstehung einer neuen Tradition» («Пространство, время, архитектура», пер. на рус. яз. 1975, 1984 гг.), в котором была представлена концепция пространственно-временного континуума, развивающего идею трехмерного пространства, дополненного временной шкалой – четвертой координатой. Такой подход можно характеризовать исторической динамикой архитектуры, ее трансформацией во времени.

Пространственный образ города

Искусствовед Арнхейм Рудольф в работе «Динамика архитектурной формы» [5] обращается к выявлению природы пространства,

которое в ньютоновой абсолютной системе представляется как некий пустой контейнер, в геометрическом выражении представленной декартовой системой координат. С ней соотносятся местоположение, размеры, пути и скорости перемещения предметов, заполняющих пространство. Однако Арнхейм добавляет, что по отношению к человеку «пространство непосредственно переживается как нечто данное, предшествующее предметам внутри него, некая рама или оправа, в которой каждый предмет занимает свое место <...> Пространство между материальными объектами *определяется* их взаимовлиянием: дистанции могут быть описаны *количеством энергии*, воспринимаемой объектом; *гравитацией*, связывающей отдельные тела; *временем*, которое необходимо для того, чтобы одно тело могло достичь другого. Пространство не существует физически, если его отделить от пронизывающей его энергии» [5, с. 8]. Далее обсуждается формирование пространственного восприятия человека. При этом утверждается то, что «пространственное восприятие возможно лишь в присутствии воспринимаемых предметов» [5, с. 9], например, когда устанавливается связь «наблюдатель – цель», где целью служит некий высотный ориентир. Такая упрощенная пространственная система редко встречается в городе. Кевин Линч, который исследовал реальные поселения, описывает связи более сложного порядка. Особенно важно то, что «сложность пространства, формируемого архитектурой, является <...> развивающейся схемой <...> воспринимается сознанием <...> лишь постепенно, шаг за шагом. <...> Следуя развивающейся схеме, можно пытаться установить шкалу нарастающей сложности, по ступеням которой пространственное воображение двигается от простейших пространственных конструкций к наиболее сложным» [5, с. 12–13]. Арнхейм вводит в своей работе понятия «*промежуточное поле*» и «*зрительное поле*». Тут на передний план выступают «своего рода силы притяжения и отталкивания» между зданиями. «Видимые дистанции оцениваются по восприятию «сил», генерируемых ими <...> мы ощущаем дистанции как отношения сил отталкивания и притяжения <...>. Поиск равновесия непременно означает *игру сил*» [5, с. 15–16]. Если же человек, наблюдатель не ощущает взаимодействия между зданиями, интервал между которыми критически увеличен, пространство ощущается как *пустота*. В то же время монумент, который воздвигнут на плоской равнине, создает своего рода силовое поле восприятия, напряженность которого убывает по мере нарастания дистанции наблюдателя от этого фокусирующего центра. Арнхейм обращается

здесь к описанию визуального силового поля, рассматривает динамику объемлющего пространства: «пространство, окружающее здания или аналогичные им конструкции, никоим образом не может трактоваться как пустое. Оно пронизано визуальными силами, излучаемыми сооружениями и формируемыми особенностями габаритов и формы «генератора». Эти *визуальные силы* следует рассматривать не как изолированные векторы, но как *элемент поля восприятия*, окружающего здание извне и активно затрагивающего его интерьер» [5, с. 24].

В среде архитекторов данный подход к пониманию природы архитектурного пространства демонстрировал Паоло Портогези [6]. Его произведения наглядно выражают значение поля восприятия (рис. 1, а, б).

Портогези признает, что понятие «поле» заимствовано из физики, и приводит формулировку Эйнштейна: «Мы употребляем слово материя, когда концентрация энергии высока, и говорим о поле, когда эта концентрация меньше. В этой

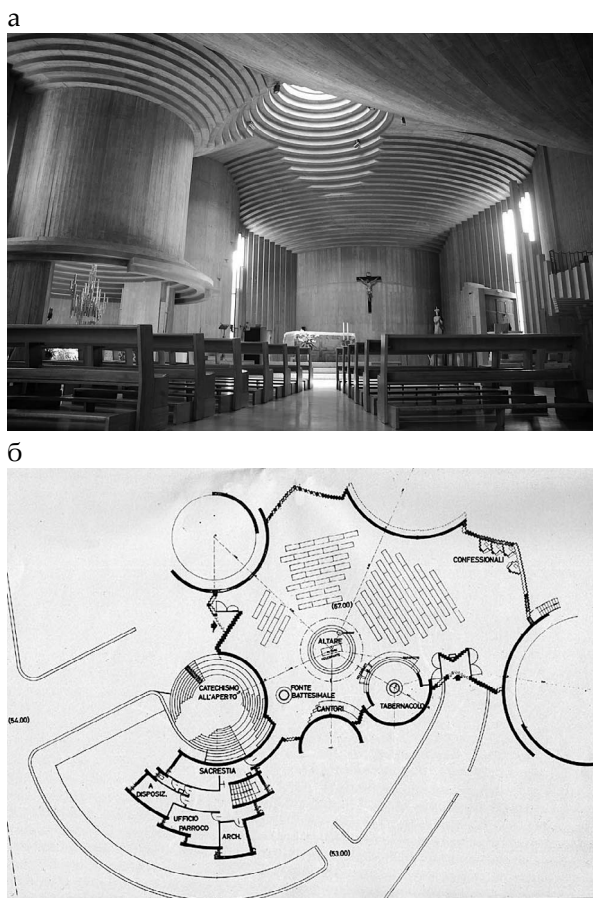

Рис. 1. Интерьер (а) и план (б) Чеза дельла Сакра Фамилия. Салерно. Арх. Паоло Портогези
Fig. 1. Interior (a) and plan (b) by Chiesa della Sacra Familia. Salerno. Arch. Paolo Portogesi

трактровке оказывается, что различие между материей и полем носит количественный, а не качественный характер» [5, с. 25]. Архитектор представлял здания или сооружения как некие «острова», которые «плывут» в пространстве. Динамику пространства как поля в таком случае довольно очевидно выражает гидродинамический эффект – концентрические круги, которые возникают на поверхности воды от камня, брошенного в пруд. Аналогично «визуальное поле в архитектуре распространяется от каждого центра и продвигает волновой фронт так далеко в окружение, как позволяет ему его мощность» [5, с. 25].

Арнхейм отмечал также и то, что «наше земное пространство пронизано силой тяжести, которая выделяет вертикаль» [5, с. 25] из всех направлений или координат. Это выделение связано с особенностью нормального зрения человека, встроенностью в тело наблюдателя врожденного чувства равновесия. Арнхейм упоминает еще одно поле – «*поле человеческих действий*» [5, с. 70]. В архитектуре и градостроительстве оно может быть представлено на плане – генеральном или ситуационном.

Наконец, наиболее значимый тезис, с которым мы сталкиваемся в работах Арнхейма, связан с порождаемым человеком силовым полем, с напором человека, претендующего на овладение пространством. Так «пустое *пространство* интерьера *может играть роль архитектурного воплощения человека*, который утверждается в собственной роли за счет создания собой *фокуса*, от которого во все стороны распространяется *силовое поле*, заполняющее интерьер» [5, с. 72].

Таким образом, выделено визуальное поле и поле действия человека (когда тело включается в работу), которые характеризуют как видимое (ряд образов), так и действительное (осваиваемое за счет моторики поведения) пространство [5, с. 95]. При этом обсуждается неподвижность зданий как их способность противостоять изменчивости, подвижности человека и олицетворять вечность могущества «небесных сил», с одной стороны, и мобильность «капсулы или контейнера, созданного для подвижного существа», – с другой. «Архитектурное окружение служит частью динамического целого, формирующего всю нашу жизнь, лишь потому, что всякое здание переживается нами как определенное взаимодействие сил: сжатий, растяжений, отталкивания и затягивания» [5, с. 185].

Чрезвычайно важным является работа архитектора К. Норберг-Шульца «Existence, Space & Architecture» [12] («Бытие, пространство, архитектура»), в которой он исследует экзистенциальное, т. е. жизненное пространство чело-

века и архитектурное пространство, которое его выражает. В частности, К. Норберг-Шульц утверждает, что архитектурное пространство конкретизирует общественное жизненное пространство, которое включает в себя множество индивидуальных жизненных пространств. Архитектор в своей концепции подробно разбирает элементы архитектурного пространства, такие как место, в котором сосредоточена некоторая масса-центр или цель, точка отсчета, как путь к центру или от него, как зона или район, который содержит места и пути, их объединяющие. Такую структуру Норберг-Шульц характеризует как поле. В понимании Норберг-Шульца в архитектурном пространстве как пространстве экзистенциальном пути и зоны объединяются в одно целое. Вместе они составляют то, что может быть названо «*полем*» (рис. 2).

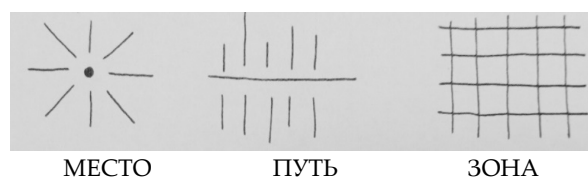

Рис. 2. Полевая структура архитектурного пространства по К. Норберг-Шульцу
Fig. 2. Field structure of architectural space according to K. Norberg-Schulz

Такова природа архитектурного пространства, характеризующегося в смысле взаимодействия сил. Автор показывает, что архитектурное поле также состоит из сил, которые должны находиться в состоянии динамического равновесия. Поле может быть простым, как, например, единичное, относительно закрепленное место плюс окружающая зона, в которую проникают несколько путей. Однако Норберг-Шульц оговаривает особенность архитектурного пространства города, формируемого в реальности, как более сложного, комплексного поля – в нем несколько мест и зон связаны внутри поля с помощью путей и осей, т. е. направлений движения.

Таким образом, Кристиан Норберг-Шульц рассматривает архитектурные поля, централизованные поля, динамические зоны, используемые для движения, в которые вторгаются поля. В современной архитектуре он рассматривает «открытые» поля как протяженное, перетекающее пространство без центров. В качестве яркой демонстрации актуальной концепции поля в архитектуре он, так же как и Р. Арнхейм, приводит проекты Паоло Портогези (рис. 3) и проекты, выполненные им совместно с Вальеррио Джильотти, например Каса Андрес (рис. 4). В этом здании его пространственная

протяженность организована с помощью пяти центров (фокусов), которые определяют серию концентрических окружностей. С их помощью пространство становится как бы динамическим потоком. Другой проект – вилла Папаниче в Риме (рис. 5). Земля, на которой должен был разместиться дом, была заселена древними и величественными **деревьями**. Портогези не только решает не сносить их, но и укрепляет. Дизайн дома, по сути, построен вокруг них так, что *окна смотрят на стволы*

этих деревьев и повседневная жизнь внутри дома создает ощущение жизни в лесу. Модулем здания также является вертикальная цилиндрическая форма, перекликающаяся со стволом дерева.

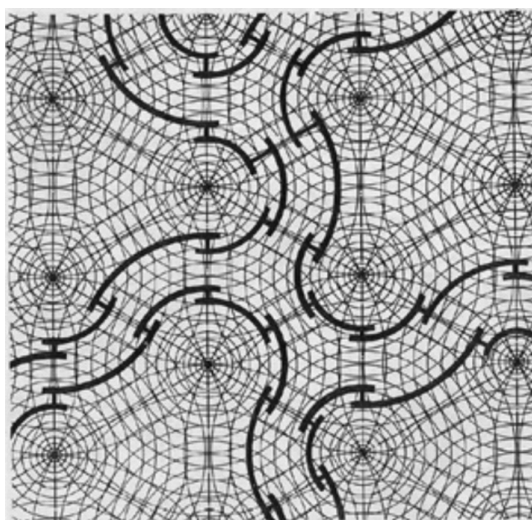

Рис. 3. Архитектурное пространство как поле в концепции Паоло Портогези
Fig. 3. Architectural space as a field in the concept of Paolo Portoghesi

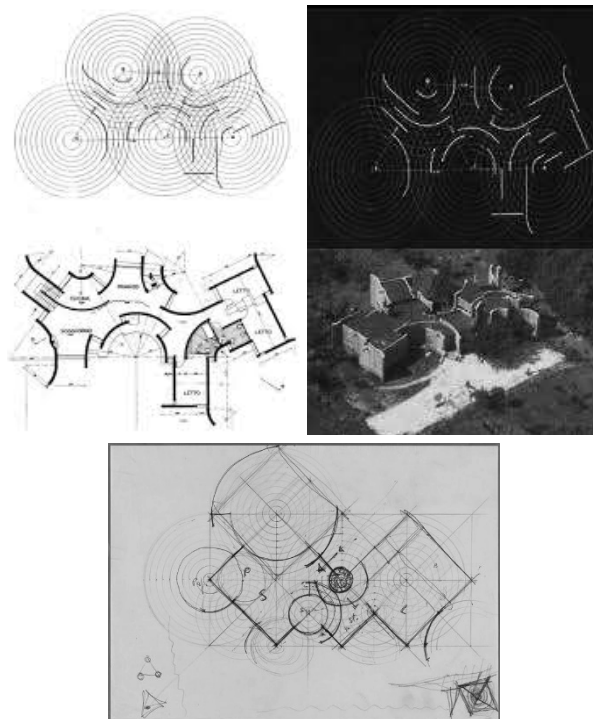

Рис. 4. Каса Андрес.
Арх.П. Портогези и В.Джиллотти. 1965–1967
Fig. 4. Casa Andreis.
Arch. P.Portoghesi, V. Gigliotti. 1965–1967

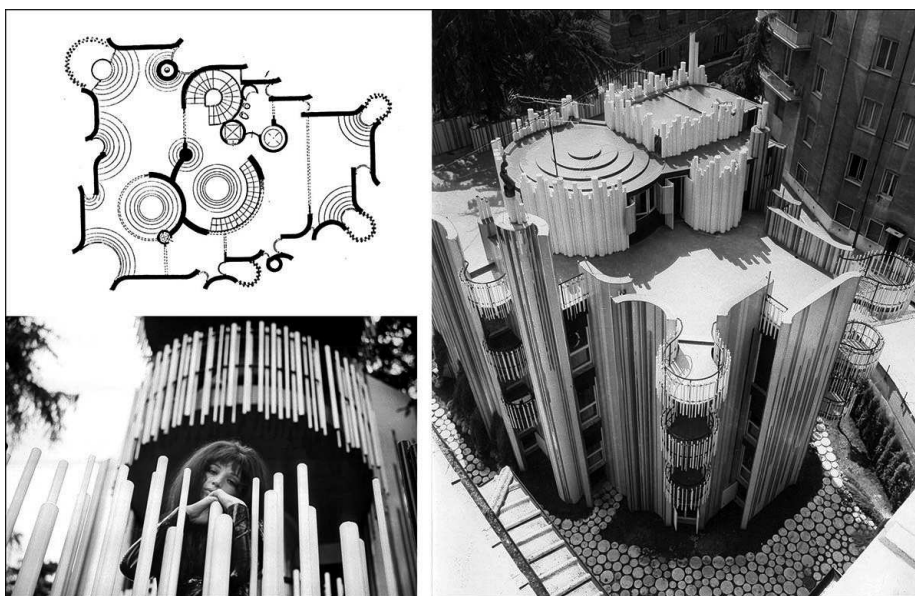

Рис. 5. Каса Папаниче. Рим. 1970. Арх. П.Портогези. Итальянский постмодернизм
Fig. 5. Casa Papanice. Rome. 1970. Arch. P.Portoghesi. Italian post modernism

Приведем другие примеры из творчества П.Портогези конца XX – начала XXI в. (рис. 6–8): Великая Римская мечеть (1995); театр Политеами (2001); жилой комплекс Бельведер ле Дали в Риме (2019).

Другие примеры архитектурного пространства как поля приводит для города К. Норберг-Шульц. Планировку в виде «звезды» с лучами, расходящимися от центра, можно увидеть на карте Парижа. Здесь система цен-

Рис. 6. Великая римская мечеть. 1995. Арх. П. Портогези
Fig. 6. Great Roman Mosque. 1995. Arch. P. Portoghesi

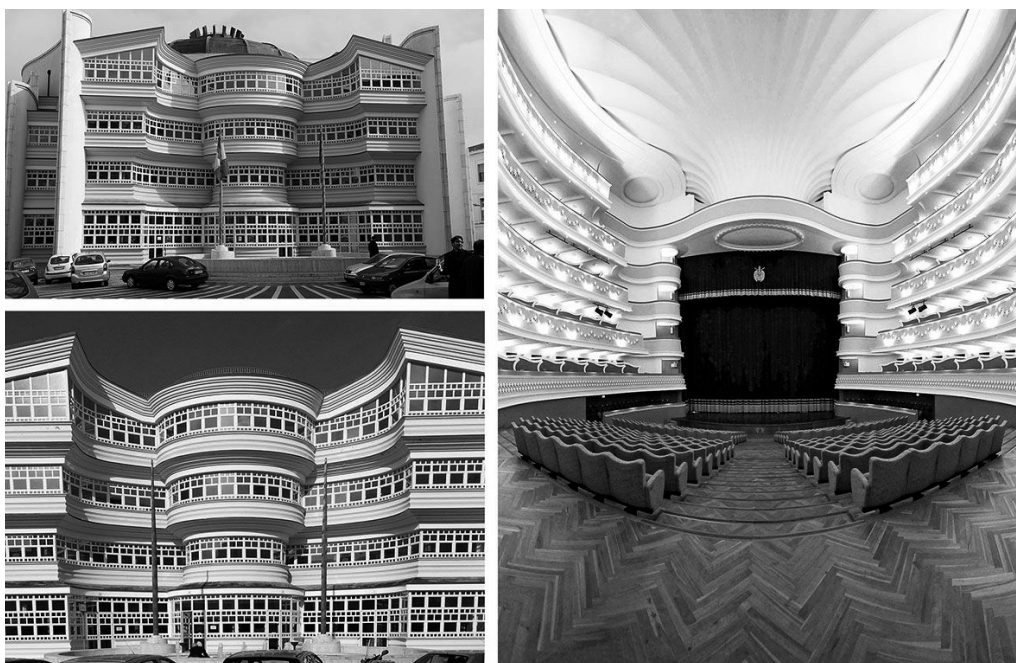

Рис. 7. Театр Политеама. Рим. 2001. Арх. П. Портогези
Fig. 7. Theater Politeama. Rome. 2001. Arch. P. Portoghesi

тров и расходящихся от них дорог превращает мир в сеть путей, которая выражает новое чувство открытости и **экспансии** – такова площадь «Звезды» Елисейских Полей (рис. 9).

Изучая архитектурное пространство, К. Норберг-Шульц приходит к выводу, что это система образов для ориентации человека в окружающем мире, в городе. Он выделяет те-

орию «места», которую развивал Аристотель – в отличие от Платона, рассматривающего геометрию как науку о пространстве, что привело к пониманию пространства как пустого ящика, в который могут помещаться тела, объекты. Для Аристотеля пространство было суммой всех мест, **динамическим полем**. Такой подход может быть полезен для характеристики города.

Рис. 8. Жилой комплекс Бельведер ле Дали. Рим. 2019. Арх. П. Портогези
Fig. 8. Residential complex Belvedere le Dali. Rome. 2019. Arch. P. Portoghesi

Рис. 9. Елисейские Поля. Площадь Звезды. Париж
Fig. 9. Champs Elysees. Star Square. Paris

Концепция архитектурного пространства как поля

К. Норберг-Шульц анализирует также взаимодействие между индивидом и его окружением, рассматривая процесс человеческих действий, который объединяет их в одно связное целое. Здесь включаются в рассмотрение эмоциональные аспекты поведения человека.

В итоге К. Норберг-Шульц выявил пять концептов пространства:

1. Прагматическое пространство физического действия.
2. Перспективное пространство сиюминутной ориентации.
3. Экзистенциальное пространство (жилое пространство существования, формирующее у человека устойчивый образ его окружения).
4. Познавательное пространство физического мира.
5. Абстрактное пространство физического мира.

При этом прагматическое пространство объединяет человека с его естественным окружением; перцептивное пространство – это основа личности человека; обитаемое пространство приобщает человека к социальной и культурной всеобщности; познавательное пространство показывает, что он знает о мире; логическое пространство служит инструментом для описания других пространств. При этом повышение абстракции, т. е. нарастание уровня информации, идет от более низкого уровня, увеличиваясь на более высоком. Жизненная энергия – наоборот.

Но главный аспект здесь опущен, как пишет К. Норберг-Шульц. Это то, что человек создает пространство, чтобы выразить структуру мира как реальный земной образ. Следует ввести в систему еще одно пространство – выразительное (художественное, эстетическое) пространство. Создание «эстетического пространства», его формирование является задачей специалистов, как отмечает автор. В то же время он соглашается, что в определенном смысле любой человек, который выбирает место в своем окружении, чтобы обосноваться и жить в нем, является создателем выразительного пространства.

В отличие от К. Норберг-Шульца, З. Гидион выделяет три основные пространственные концепции. Первая присуща античному миру (Древняя Греция и Египет), она рассматривает отношения объемов, масс. Вторая ставит акцент на пустом внутреннем пространстве интерьера и связана со строительством купола Пантеона в Риме. Третья рассматривает взаимодействие между внутренним и внешним пространством

и демонстрирует развитие человеческого образа мира. Отметим замечание К. Норберг-Шульца по поводу того, что большинство архитектурных учений о пространстве все еще страдает от недостатка определения этого понятия. Все учения он предлагал разделить на два класса:

1 – те, что основаны на Эвклидовом пространстве и изучают его «грамматику»;

2 – те, что развивают теорию пространства на базе психологии восприятия.

Первый класс был связан с утопическими схемами планировки городов. Его систематизация была представлена Вальтером Нечем в его «Теории поля», он рассматривал паттерны геометрического характера. Однако человеческий образ окружения или жизненного пространства не может быть адекватно описан в терминах геометрических решеток (сеток). Кристофер Александер в своей концепции паттернов определял пространство скорее в терминах функции, чем геометрии.

Второй класс был представлен шведским критиком Фогт-Гёкниль, его концепция основана на опыте освоения пространства человеком. Гюнтер Нитшке, говоря о пространстве, утверждал, что оно имеет центр, который включает человека, имеющего четкую систему направлений, изменяющихся в процессе движений человеческого тела; оно ограничено и не нейтрально, другими словами – оно субъективно определено и познано; направления и расстояния закреплены в отношениях, свойственных человеку. К. Норберг-Шульц возражал на это и приходил к пониманию того, как легко прийти к абсурдному выводу о том, что архитектурное пространство возникает лишь в опыте. Это нонсенс утверждать, что человек – всегда центр архитектурного пространства и что направления в нем изменяются вслед за изменениями движений человеческого тела. В действительности, как он пишет, архитектурное пространство существует независимо от случайных постижений и имеет собственные центры и направления [12].

В то же время он упоминает работу Курта Левина, который определяет поле как «жизненное пространство индивида» [10, с. 7], состоящее из человека и психологической окружающей среды. Можно аналогично говорить о поле, в котором существует группа людей, исследовать взаимозависимость его частей. К. Левин установил и показал, что при этом совокупность взаимозависимых фактов можно адекватно трактовать с помощью математического понятия пространства и динамических понятий напряжения и силы [10, с. 9]. Детерминанты поведения людей рассмотрены им как свойства поля. Обращаясь к исследованию

поведения группы людей или социумов, следует напомнить работу Пьера Бурдьё «Социальное пространство: поля и практики». Его «понятийный аппарат генетического структурализма строится вокруг «социального пространства», «поля» и действующих в нем «сил». В отличие от множества других социологов П.Бурдьё призывает изучать не субстанции – некие социальные «частицы» как элементарные объекты, а социальные отношения, описывающие структуры и всевозможные состояния полей. <...> Суть подхода П. Бурдьё в том, что социальное пространство как структура позиций определяется действующими в нем силами» [11, с. 571–572]. Сила рассматривается Бурдьё не как владение чем-либо, а как практика, упор делается на действие. Подобные исследования психологов и социологов применяются сегодня в когнитивной урбанистике при изучении городской среды: «сходство строения пространства поселения и персонального пространства человека отмечают многие исследователи <...> Д. Портеус предложил выделить три масштаба социального пространства (микро-, мезо- и макропространства) [13, с.16].

Как представляется, архитектурное пространство формируется людьми поколение за поколением и остается в виде фиксированных следов, материальной культуры человечества.

В то же время не все потомки в состоянии увидеть и понять архитектурное пространство, порожденное или выраженное их предками.

Итак, изучение геометрии или визуального восприятия указано как некоторые аспекты проблемы пространства в архитектуре. Подчеркнем еще раз, что концепцию экзистенциального (или бытийного, жизненного) пространства и связанного с ним архитектурного пространства ввел в теорию архитектуры К. Норберг-Шульц.

Рассмотрим исследования американского архитектора Стэна Аллена [8, 9]. В его работе «От объекта к полю» происходит смещение акцентов на «полевые условия» или полевую составляющую (рис.10). Аллен вводит понятие сложной геометрии движущихся масс, связанное с изучением динамики, поведения толпы, аналогичной правилам поведения стаи. Он рассматривает состояние поля как движущую силу архитектурной практики. При этом наложение двух регулярных полей приводит в его интерпретации к появлению «муара». Он отмечает, что эффекты муара часто используются для измерения скрытых напряжений в непрерывных полях, для отображения сложных фигурных форм. Это характеризуется как расширенное поле [8].

Аллен утверждает, что все сетки являются полями, однако предупреждает, что не все

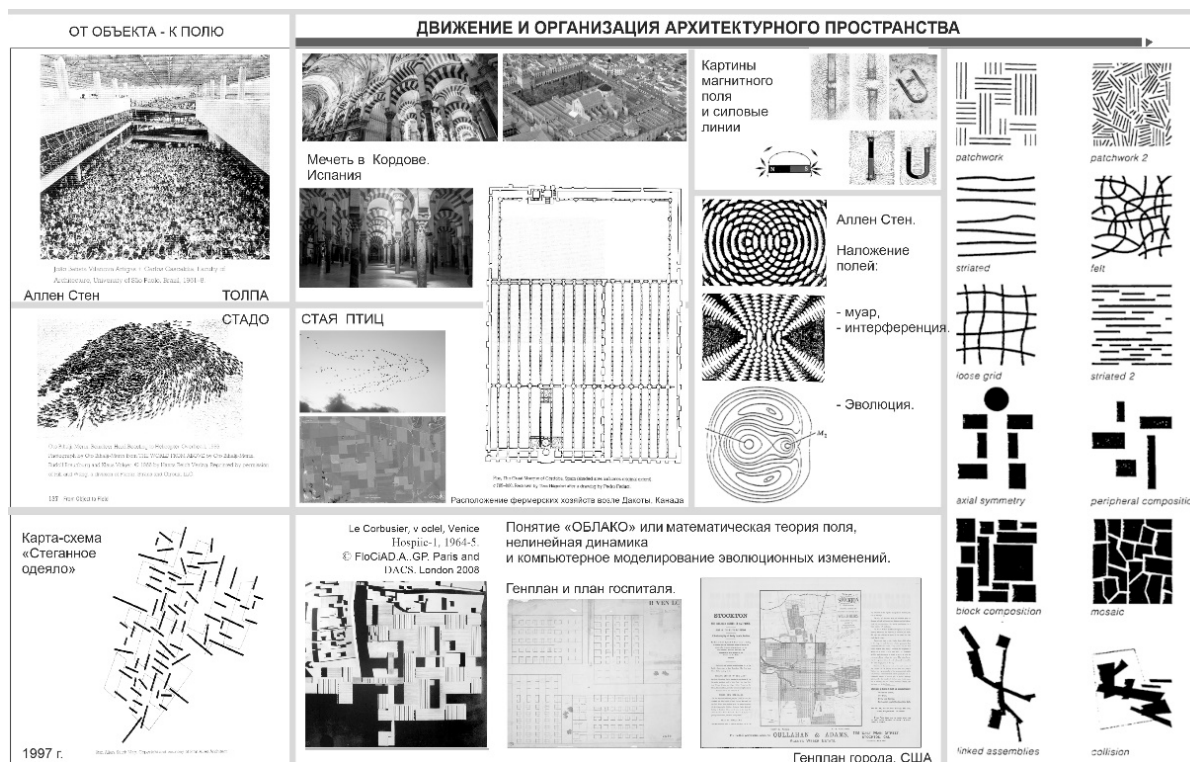

Рис. 10. От объекта к полю. Теория пространства архитектора Стэна Аллена
Fig. 10. From object to field. Architect Stan Allen's Theory of Space

поля являются сетками. Он выстраивает свою теорию простой серии последовательных движений, при этом утверждает, что поле, состояние поля функционируют целостно в соответствии с набором математических принципов и поддаются измерениям.

К исследованию ортогональной сетки как инструмента освоения человеком мира обратился Н.А. Павлов. Он рассматривает сетку как следствие ортогонального осевого построения человеческого тела: «инструментарий человека является проекцией его органов во внешний мир» [14, с. 15], где важны три направления или координатных оси: верх-низ, вперед-назад, право-лево. На протяжении всей истории своего развития человек «насаждал свою «правильность», ортогональность <...> по всей территории планеты» [14, с. 20]. Применение сетки в отечественном градостроительстве начала XX столетия привело к построению такого явления, как «поле линейного города» [14, с. 25], т. е. каркас города в виде его ортогональных улиц. В новейшей науке сетка рассматривается как своеобразная матрица для проведения исследований. В итоге природа ортогональной сетки определяется Н.А.Павловым как один из способов укоренения человека в реальности.

Аллен Стэн тоже описывал ортогональную планировку американских городов. Он отмечает, что в 1784 г. Томас Джефферсон в США предложил межевание территории с помощью системы регулярных квадратов. В результате вся карта страны была поделена с помощью ортогональной сетки. Прямоугольная сетка стала не только простым и прагматичным средством деления территории и стандартизации элементов. Она стала эмблемой универсальной геометрии с метафизическим подтекстом, а американские города – прототипом полевых условий.

Итак, все сетки – это поля. Поле обладает возможностью переопределить отношения между фигурой и фоном (землей). Его атрибутами, по Аллену, названы пустота (поле не фигурально), простор (поле обширно) и направленность (способность архитектуры указывать на мир за пределами поля). Любое поле, в интерпретации С. Аллена, действует как непрерывная поверхность, соединяющая отдельные фрагменты. В архитектурном или городском контексте пример муаровых эффектов вызывает вопрос о поверхности. Поле по своей сути является горизонтальным явлением, и все описываемые до сих пор примеры функционируют в горизонтальной плоскости, на уровне плана. Аллен предлагает сегодня не изучать композицию, а создавать современную архитектуру, состоящую из отношений между элементами, а не только из

самых элементов. Взаимосвязи этих элементов образуют любое количество полей, и эти наложенные друг на друга поля создают муары, которые, в свою очередь, служат основой для дополнительных полей архитектурного вмешательства.

Таким образом, Аллен пытается установить свободу действий архитектора в его собственной интерпретации и реагировании на условия поля и создает новые способы работы относительно условий поля, которые могут выявить продуктивные социальные различия на локальном, местном уровне. Он обращается к моделям локального поведения стаи (толпы) и утверждает, что стая – это полевой феномен, определяемый точными и простыми местными условиями, относительно безразличный к общей форме и протяженности. Изменения в окружающей среде могут изменять поле путем плавной адаптации. Так он показывает, что полевые условия лучше подходят для создания архитектуры в городе XX-XXI вв. Вместо того чтобы расширяться вверх, как это подробно описано в модернизме, Аллен предлагает непрерывную адаптацию и реадaptацию архитектуры в горизонтальной плоскости как более уместный ответ на постоянно меняющийся современный город и постоянные потоки его поля. Полевые условия предлагают архитектуре предварительное рассмотрение динамики поведения толпы, сложной геометрии масс в движении. Толпа – это более сложный полевой феномен, чем стая. У нее иная мотивация, более сложные желания и взаимодействие по менее предсказуемым схемам. Толпа может быть классифицирована как открытая и закрытая, ритмичная и стагнирующая, медленная и быстрая, это паломники (религиозный ритуал) или зрители (массовые фестивали). Эффект толпы можно сравнить с течением реки. Толпа имеет четыре основных свойства: желание расти, равенство внутри толпы, предпочтение плотности, нуждается в направлении. Она действует на границе контроля. С таких позиций, через концепцию поля Аллен предлагает рассматривать пространственную организацию социальных институтов, например музеев. В рамках подобных учреждений следует формировать направленное состояние поля, связанного с городом или окружающим ландшафтом. Тогда можно оставить пространство для тактических импровизаций будущих пользователей («свободная посадка»).

Работа «Полевые условия» впервые была опубликована в монографии Аллена «Точки+линии: диаграммы и проекты для города», которая сама по себе служит одновременно ретроспективой с подробным описанием проектов Стэна Аллена и теоретическим руководством,

предлагающим серию стратегий и принципов создания архитектуры в современном городском контексте. Для Аллена состояние поля не является случайным, неконтролируемым или неприменимым, оно, скорее, действует как потенциально новый способ определения, измерения и создания новых форм архитектуры в современном городе вопреки преобладающим архетипам. С. Аллен предлагает архитектуру, не связанную с архитектуроникой построения форм, а в первую очередь имеющую дело с абстрактными концепциями пространства и пространственными отношениями внутри гипотетического динамического поля.

Аллен описывает поле подобно К. Норберг-Шульцу и представляет это поле как систему, образованную станциями и путями между ними, т. е. как сеть. Ее модель – точки и линии, сущности и их отношения. Рассматривается количество и расположение станций (точек) и путей (линий). Исследуется поток сообщений (информации, энергии, материи), проходящих по линиям. Подобная сложная система может быть формально описана. Архитектура, построенная на подобных принципах потоков полей, не ориентирована на долговечность, стабильность и определенность. Она оставляет место для неопределенности реального.

Результаты исследования. В настоящей работе сделана попытка выявить природу архитектурного пространства городов и представить его как силовое поле. В заключение исследования стоит обратиться к архитектурному пространству в сравнении его с пространственной средой. Подобное сравнение приводит А.Г. Раппапорт, когда разбирает дилемму «архитектура и среда», исследуя природу и сущность архитектуры [15]. Скорректируем предложенную им оппозицию и назовем ее «архитектура и дизайн». Можно утверждать, что дизайн связан с формированием пространственной среды и повышением ее комфортности. Пространство в архитектуре отличается от среды, оно служит не для погружения в окружение с целью расслабления и релаксации. Оно, напротив, связано с напряженным диалогом архитектуры, ее зданий и сооружений с человеком. Подобная особая субстанциальная сила архитектурного пространства связывается Раппапортом с выражением достоинства архитектуры, которое сопоставимо с достоинством человеческой личности. Архитектурное пространство выражает состояние человека, находящегося в тонусе, в напряжении, в работе. Нам остается добавить, что архитектуру можно рассматривать как *преодоление* человеком косности материи, бесконечности пространства, в конечном итоге – косности собственного мышления.

Выводы. Авторская концепция формирования архитектурного пространства следующая: архитектурное пространство городов формируется человеком (группой людей, человечеством) и рассматривается нами как человеко-мерная динамическая система силовых полей. Природа архитектурного пространства связана с полем напряжения, создающим потенциацию движения человека в окружающем его мире [16]. При этом движение человека должно рассматриваться не только как перемещение или смена мест, полюсов притяжения в поле смыслов, но и как преобразование, трансформация архитектурного пространства и состояний самого человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Элиаде Мирча*. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
2. *Маринетти Ф.Т.* Футуризм. СПб.: Прометей, 1914. С. 103–110.
3. *Дзеви Б.* Из книги «Уметь видеть архитектуру» // Мастера архитектуры об архитектуре / под общ. ред. А.В. Иконникова, И.Л. Маца, Г.М. Орлова. М., 1972. С. 466–488.
4. *Гидион З.* Пространство, время, архитектура. М.: Стройиздат, 1984. 455 с.
5. *Арнхейм Р.* Динамика архитектурных форм. М.: Стройиздат, 1984. 192 с.
6. *Portoghesi Paolo*. Le inibizioni dell'architettura moderna. Rome. 1974. 248 p.
7. *Paolo Portoghesi e il postmoderno italiano*. Pensiero e opera [Электронный ресурс]. URL: <https://www.infobuild.it/approfondimenti/paolo-portoghesi-postmoderno-italiano-pensiero-opere/> (дата обращения: 25.10.2024).
8. *Allen Stan*. From Object to Field, Practice: Architecture, Technique and Presentation. L/NY. 2008. 251 p.
9. *Allen Stan*. From Object to Field, AD Architecture after Geometry, Profile N. 127. 1997. pp. 24–31.
10. *Левин Курт*. Теория поля в социальных науках. М.: Академический проект, 2023. 343 с.
11. *Бурдье Пьер*. Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005. 576 с.
12. *Norberg-Schuz Chr*. Existence, Space and Architecture. NY. 1971. 120 p.
13. *Крашенинников А.В.* Когнитивные модели городской среды. М.: КУРС, 2022. 216 с.
14. *Павлов Н.Л.* Ортогональная сетка как инструмент освоения, осмысления и представления окружающего мира // Architecture and Modern Information Technologies. 2024. № 3 (68). С. 14–29.
15. *Раппапорт А.Г.* Среда и архитектура // Городская среда: проблемы существования: сб. трудов. М.: ВНИИТАГ, 1990. С. 157–178.
16. *Лапина Е.Г.* Динамические свойства архитектурного пространства. Пенза: ПГУАС, 2014. 327 с.

REFERENCES

1. Eliade Mircea. *Izbrannye sochineniya: Mif o vechnom vozvrashhenii; Obrazy i simvoly; Svjashhennoe i mirskoe* [Selected writings: Myth of Eternal Return; Images and symbols; Sacred and worldly]. Moscow, Lsdomir, 2000. 414 p.
2. Marinetti F.T. *Futurizm* [Futurism]. St. Petersburg, Prometheus, 1914. P. 103–110.
3. Dzevi B. From “Being Able to See Architecture”. *Mastera arhitektury ob arhitekture* [Architecture wizards about architecture], 1972, pp. 466–488. (in Russian)
4. Gidion Z. *Prostranstvo, vremja, arhitektura* [Space, Time, Architecture]. Moscow, 1984. 455 p.
5. Arnheim R. *Dinamika arhitekturnyh form* [Dynamics of architectural forms]. Moscow, Stroyizdat, 1984. 192 p.
6. Portoghesi Paolo. *Le inibizioni dell'architettura moderna*. Rome. 1974. 248 p.
7. Paolo Portoghesi e il postmoderno italiano. *Pensiero e opera*. Available at: <https://www.infobuild.it/approfondimenti/paolo-portoghesi-postmoderno-italiano-pensiero-opere/> (accessed 25 October 2024).
8. Allen Stan. From Object to Field, Practice: Architecture, Technique and Presentation. L/NY. 2008. 251 p.
9. Allen Stan. From Object to Field, AD Architecture after Geometry, Profile N. 127. 1997. pp. 24–31.
10. Levine Kurt. *Teorija polja v social'nyh naukah* [Field theory in the social sciences]. Moscow, Academic project, 2023. 343 p.
11. Bourdieu Pierre. *Social'noe prostranstvo: polja i praktiki* [Social space: fields and practices]. Moscow, St. Petersburg, 2005. 576 p.
12. Norberg-Schuz Chr. *Existence, Space and Architecture*. NY. 1971. 120 p.
13. Krashenninnikov A.V. *Kognitivnye modeli gorodskoj sredy* [Cognitive models of the urban environment]. Moscow, Kurs, 2022. 216 p.
14. Pavlov N.L. Orthogonal grid as a tool for mastering, comprehending and representing the surrounding world. *Architecture and Modern Information Technologies* [Architecture and Modern Information Technologies], 2024, no. 3(68), pp. 14–29. (in Russian)
15. Rappaport A.G. Environment and architecture. *Gorodskaja sreda: problemy sushhestvovaniya: sb. trudov* [Urban environment: problems of existence: sat. works]. Moscow, VNIITAG, 1990, pp. 157–178. (In Russian).
16. Lapshina E.G. *Dinamicheskie svojstva arhitekturnogo prostranstva* [Dynamic properties of architectural space]. Penza, 2014. 327 p.

Об авторе:

ЛАПШИНА Елена Геннадьевна

кандидат архитектуры, профессор,
заведующая кафедрой основ архитектурного
проектирования
Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства
440028, Россия, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28
E-mail: elenlaps@mail.ru

LAPSHINA Elena G.

PhD of Architecture, Professor,
Head of the Architectural Design Fundamentals Chair
Penza State University of Architecture and Construction
440028, Russia, Penza, German Titova st., 28
E-mail: elenlaps@mail.ru

Для цитирования: Лапшина Е.Г. Определение природы архитектурного пространства городов: от инертной пустоты к динамической системе полей // Градостроительство и архитектура. 2025. Т. 15, № 2. С. 101–111. DOI: 10.17673/Vestnik.2025.02.13.

For citation: Lapshina E.G. Determining the nature of city architectural space: from inert void (emptiness) to dynamic fields system. *Gradostroitel'stvo i arhitektura* [Urban Construction and Architecture], 2025, vol. 15, no. 2, pp. 101–111. (in Russian) DOI: 10.17673/Vestnik.2025.02.13.